

Игорь Шап

ИЗ ПИСЕМ О «СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЕ»

Электронная публикация подготовлена
специально для библиотеки

IMWERDEN

2019

Александр Адольфович Бодэ
Фото начала XX века

Начнем с психологической атмосферы, царившей в первый день войны, то есть, на каком эмоциональном фоне были написаны (по официальной версии) слова песни «Священная война».

Изучив ряд документов и свидетельств, я пришел к выводу, что ни о каком понятии «священная война» в ночь с 22 на 23 июня (время создания черновиков Лебедевым-Кумачом) говорить не приходилось..., и это словосочетание было явно из другого времени. Поясню эту свою мысль цитатой из «Воспоминая о войне» фронтовика ленинградца Николая Никулина:

«Объявление войны я и, как кажется, большинство обывателей встретили не то чтобы равнодушно, но как-то отчужденно. Послушали радио, поговорили. Ожидали скорых побед нашей армии – непобедимой и лучшей в мире, как об этом постоянно писали в газетах. Сражения пока что разыгрывались где-то далеко. О них доходило меньше известий, чем о войне в Европе. В первые военные дни в городе сложилась своеобразная праздничная обстановка. Стояла ясная солнечная погода, зеленели сады и скверы, было много цветов. Город украсился бездарно выполненными плакатами на военные темы. Улицы ожили. Множество новобранцев в новехонькой форме деловито сновали по тротуарам. Повсюду слышалось пение, звуки патефонов и гармошек: мобилизованные спешили последний раз напиться и отпраздновать отъезд на фронт».

Я не думаю, что обстановка в Москве радикально отличалась от ленинградской.

Ни о каком понятии «священная война» 22 июня в умах людей не было и в помине. Пропаганда весь предвоенный период настраивала советский народ и армию в том числе, что громить любого врага мы будем только на его территории. Послушайте двухминутную сводку Главного командования Красной Армии от 22 июня 1941 года в стиле «все хорошо, прекрасная маркиза». Это уже послевоенная запись-реконструкция, сделанная Юрием Левитаном, но содержание достоверно*.

* <http://reportage.su/audio/239>

В Кремле в первый день войны царили растерянность и полная неразбериха — верховное командование страны было в неведении об истинной картине происходящих событий и издавало порой бессмысленные приказы и директивы. Яркий тому пример — Директива № 3, изданная поздним вечером 22 июня. Это по сути НАСТУПАТЕЛЬНАЯ директива, не имеющая в своей основе понимания реальной расстановки сил. Естественно, что в последствии все намеченные этим документом планы провалились.

Вот фрагменты из книги Наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова «Накануне». Кстати, Николай Герасимович обладал очень хорошей памятью — через четверть века в своих воспоминаниях он описывал даже погоду в конкретный день:

«...Первые часы войны, несмотря на моральную подготовку к ней, вызвали известное замешательство. Нужно было сделать резкий поворот во всей работе, решительно перестроиться на новый военный лад. В эти часы в московском кабинете, вдали от флотов, еще не чувствовалось дыхания войны, хотя было уже известно, что на переднем рубеже полыхает пламя ожесточенного столкновения.

...Хотелось что-то предпринимать, но ясности — что же именно следует делать немедленно, какие отдать приказания — пока не было.

...Рука невольно тянется к телефону. Связываюсь с флотами, с управлениями наркомата. Короткие разговоры сводятся к одному: больше оперативности, следить за каждым шагом противника, действовать решительно, не дожидаясь указки сверху.

...Около 10 часов утра 22 июня я поехал в Кремль. Решил лично доложить обстановку. Москва безмятежно отдыхала. Как всегда в выходные дни, в центре было малоллюдно, редкие прохожие выглядели празднично. Лишь одиночные машины, пронесившиеся на повышенной скорости, пугали пешеходов тревожными гудками.

... В Кремле все выглядело как в обычный выходной день. Часовой у Боровицких ворот, подтянутый и щеголеватый, взял под козырек и, как всегда, заглянул в машину. Немного сбавив скорость, мы въехали в Кремль. Я внимательно смотрел по сторонам — ничто не говорило о тревоге. Встречная машина, поравнявшись с нашей, как было принято, остановилась, уступая дорогу. Кругом было тихо и пустынно.

Наверное, руководство собралось где-то в другом месте, — решил я. — Но почему до сих пор официально не объявлено о войне?

Не застав никого в Кремле, вернулся в наркомат.

— Кто-нибудь звонил? — был мой первый вопрос.

— Нет, никто не звонил».

Вот так дела! Наркому ВМФ в первый день войны из Кремля НИКТО не позвонил, и Сталин его к себе не звал! Покружился на машине по Кремлю и уехал..., и только лишь вечером Кузнецову удалось связаться по телефону с Молотовым и доложить обстановку на флотах. Существующее мнение, что Нарком ВМФ был с первых часов войны в Кремле, ошибочно — в записях секретарей Сталина о посетителях кабинета вождя указаны однофамильцы Кузнецова, коих было множество. Сам же Николай Герасимович был впервые вызван в Кремль лишь в полночь на 24 июня.

Но вернемся к песне.

Считается ошибочным, что она впервые была исполнена публично 26 июня Краснознаменным ансамблем на Белорусском вокзале. Эта версия получила свое хождение из-за эпизода, описанного в романе Константина Федина «Костер» (1961 г.), но это является художественным вымыслом писателя.

Звукозапись была сделана в начале июля, но тут же на песню кем-то было «наложено вето», так как «ответственные товарищи» посчитали, что песня чрезмерно нагнетает трагизм. И лишь только когда немцы вплотную подошли к Москве (с 16 по 19 октября здесь была страшная паника) и нужно было поднимать упавший дух людей, вот тут и вспомнили про эту звукозапись, ее «сняли с полки» и стали транслировать по радио. Надо признать, что в те страшные октябрьские дни 1941 года песня действительно проникла в души людей и вселила им уверенность в своих силах.

Так что словосочетание «священная война» скорее можно соотносить к весне 1916 года (Германия к тому времени уже захватила западные окраины Российской империи, бои шли уже на нашей территории, появились беженцы с прибалтийских и польских земель), чем ко дню 22 июня 1941 года.

* * *

В «Независимой газете» 8 мая 1998 г. была опубликована статья внештатного корреспондента Владимира Шевченко «„Священная война“ — эхо двух эпох». Далее цитата из нее (капслок мой):

«Весной 1916 г. состоялся прощальный товарищеский вечер, на котором Александр Бодэ торжественно прочел свою «Оду», написанную им по случаю возвращения на фронт после излечения в госпитале группы офицеров Гроховского полка, часть из которых он лично хорошо знал:

Привет тебе, герой войны,
Еще не виданной от века!
В тебе мы чтили человека!

Теперь, в лице твоём, должны
Всю нашу доблестную рать
В порыве братском целовать!
Снеси ей общее признание,
Скажи, что мы гордимся ей!
Минует чаша испытанья,
И мы дождемся лучших дней.
УЖЕ ТЕВТОНСКАЯ ВОЛНА
НА МЕСТЕ КРУЖИТСЯ И СТЫНЕТ.
НАСТАНЕТ ВРЕМЯ И ОНА
В БЕССИЛЬНОЙ ЯРОСТИ ОТХЛЫНЕТ.
Ура! В честь армии Российской
Давайте дружно возгласим!
Ее отвагой богатырской
Мы супостатов победим!
И к нам вернутся с Честью, Славой
Орлы родного нам полка
После победы над врагами
В броне стального кулака».

Обратите внимание на выделенную капслоком строфу – там и ТЕВТОН и ВОЛНА, и ЯРОСТЬ, присутствующие в «Священной войне». И эта «Ода» адресована именно военнослужащим Гроховского полка* – «И к нам вернутся орлы родного нам полка».

* * *

Письмо Зинаиды Александровны Колесниковой Борису Александровичу Александрову, сыну композитора А. В. Александрова, написанное и отправленное в 1976 году**:

«Уважаемый Борис Александрович!

Всегда с большим удовольствием мы слушаем и смотрим по телевизору выступления Краснознаменного имени А. В. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии. С особенной радостью слушаем „Священную войну“.

* Справка: Полк ведет свое начало от сформированного 17 января 1811 г. Киевского внутреннего губернского полубатальона. Высочайшим приказом 25 марта 1891 г. этот батальон наименован 171-м пехотным резервным Гроховским полком, с приведением его в 2-батальонный состав; 1 января 1898 г. полку присвоен № 182. С 20.09.1915 – командир, полковник Иванов Михаил Никитич. Дислокация – г. Рыбинск Ярославской губернии. Входил в состав 46-й пехотной дивизии.

** Впервые опубликовано журналистом Андреем Мальгиным в журнале «Столица» №6, февраль, 1991 г.). Как написал А. Мальгин, он приводит это письмо «в некотором сокращении»: <https://avmalgin.livejournal.com/565709.html>

Большое спасибо Вашему отцу, Александру Васильевичу, и Вам, Борис Александрович, за музыку к этой песне. В дни XXV съезда нашей Коммунистической партии после исполнения концертной программы Вы выступили с воспоминаниями о создании «Священной войны», и для нас стало совершенно ясно и понятно, что В. И. Лебедев-Кумач скрыл от Вас правду о происхождении этой песни. В. И. Лебедев-Кумач не писал песни „Священная война“.

Родилась песня „Священная война“ в г. Рыбинске на Волге в мировую войну 1914–1917 годов. Написал ее учитель русского языка и литературы, латинского и греческого языков Рыбинской мужской гимназии Александр Адольфович Бодэ — наш отец. Он был умный, образованный человек, окончивший филологический факультет Московского университета, знаток истории, глубокий патриот, с широким пониманием жизни.

1916 год. Кадровый 28 Грохольский полк* — на фронте. Казармы полка используются для новых пополнений воинских частей. По параллельным реке Волге прямым и длинным улицам Рыбинска почти круглые сутки маршируют прибывающие на обучение и дальнейшее отправление солдаты — новобранцы, ополченцы.

Прибывают в Рыбинск беженцы-латыши. Они покидают свою землю, селенья, жилища: бегут, спасаясь от аэропланов, поливающих обжигающей, ядовитой жидкостью людей, животных, жилища. Рассказы беженцев-латышей полны ужаса. С фронта привозят бойцов, отравленных газами.

Каждый день дважды — в гимназию и обратно — отец пересекает марширующие улицы. Он остро воспринимает все, что видит и слышит, волнуется, делится впечатлениями с мамой. В эти тяжелые, напряженные дни была написана отцом песня «Священная война». Ее слова и музыка родились вместе. Величавые, образные выражения слились воедино с простой, чисто русской мелодией...

Старость свою отец проводил под Москвой. Около него были дети, внуки. Последние годы жизни отец стал говорить о неизбежности войны с Германией. „Чувствую я себя уже слабым, — говорил он, — а вот моя песня, «Священная война» может теперь еще пригодиться“. Из наших современных песен больше всех нравилась ему „Широка страна моя родная“... Считая В. И. Лебедева-Кумача большим патриотом, отец решил послать ему „на вооружение“ свою „Священную войну“. Его доброе письмо с вложением слов и мотива песни

* Здесь З. А. Колесникову подвела память, в Рыбинске дислоцировался 182-й пехотный Гроховской полк. См. примеч. на предыдущей странице.

были отправлены в адрес В. И. Лебедева-Кумача в конце 1937 года. Отец ждал ответного письма, но его не было. В январе 1939 года отец умер в Кратове, в доме, где жил и откуда было послано письмо с песней „Священная война“ и откуда и я пишу Вам это письмо.

В 1942 году проездом через Москву на Ленинградский фронт мой сын Андрей — артиллерист, войдя в дом и сняв пилотку, прежде всего спросил: „Мама, ты слышала дедушкину «Священную войну»?“ „Да, слышала. Музыка Александра Васильевича Александрова, и это очень правильно. Он дал жизнь всей песне. За это мы ему очень благодарны. А какое могучее звучание! Даже дрожь пробирает!..“ — ответила я сыну.

А дальше... оказалось, что В. И. Лебедев-Кумач в одну ночь написал то, что было выношено сердцем и умом патриота-учителя еще в мировую войну 1914—1917 годов.

Посылая Вам это письмо, мы глубоко убеждены в том, что Вы, Борис Александрович, должны узнать об истинном происхождении песни „Священная война“... Будем Вам, Борис Александрович, благодарны, если Вы ответите на наше письмо. Желаем Вам полного благополучия и успехов в Вашей прекрасной работе и всего только доброго и светлого.

Зинаида Александровна Бобе, в замужестве Колесникова.

Ответа на это письмо, естественно, не последовало... Напомню, что шел 1976 год».

* * *

«Вот еще немного справочной информации:

Приславший эти дополнительные материалы Виктор Андреевич Чарушников — это сын Андрея Ивановича, чей дядя самый первый издал Максима Горького. Никто не брался издавать неизвестного человека, а Александр Петрович Чарушников со своим компаньоном рискнули и создали «Издательство С. Дороватовского и А. Чарушникова» специально для первых книг Горького (сначала был выпущен двухтомник, а потом трехтомник). Так мир познакомился с Горьким и его работами. Писатель А. И. Свирский сказал: «В русской литературе девяносто девятый год прошлого века ознаменовался большим и ярким событием: вышли в свет три тома «рассказов» М. Горького. Успех автора был так велик, что даже скромные издатели этих книжек — Дороватовский и Чарушников — стали фигурами почти историческими».

И да, Максима Горького и Александра Чарушникова свел замечательный журналист Владимир Александрович Поссе (он потом издавал в Петербурге журнал «Жизнь для всех»). Горький прислал ему свои

Братья Бодe (их всего было пятеро) в Коломне.
Александр крайний слева, рядом Алексей

рассказы с просьбой найти издателя и тот обошел всех, но везде получил отказ. Так издательница О. Н. Попова, мотивируя свой отказ, сказала Поссе «...виновата не она, а я, который плохие фельетоны провинциальных газет принял за художественные шедевры», и что «Издавать Горького – понапрасну бросать деньги: рассказов его никто покупать не будет, совершенно не расходятся даже рассказы Бунина, который несравненно талантливей Горького».

Московская квартира Александра Бодe в Карманицком переулке состояла из шести комнат, и там проживала его многочисленная родня. Там же была выделена комната для его друга – учителя Зеленцова, которого Бодe вывез из Рыбинска. Кстати, в их квартире летом 1922 года жил и Андрей Иванович Чарушников (в 9-летнем возрасте).

Ирония судьбы – сын Владимира Поссе – Сергей (по профессии историк, возглавлял Истпарт – Институт истории партии в Минске) был женат на Татьяне – дочери брата Бодe – Алексее (такого хитро-сплетения даже нарочно не придумаешь), который жил в Минске и работал в театре. Сергей Владимирович Поссе попал в расстрельные списки Сталина (в интернете есть) – сталинская резолюция и на этом приговоре.

А на этом снимке сын-первенец Александра Боды — тоже Александр (1896–1942). Здесь он в конце Первой мировой войны после госпиталя (был ранен) возвращается на фронт через Минск и заезжает к своему дяде Алексею (рядом его жена):

Во время Гражданской войны — он белый офицер, воевал в Северной армии генерала Евгения Карловича Миллера под Архангельском. В мирное время женился на крестьянке Дарье Ивановне Климовой и пытался наладить фермерское хозяйство в Раменском, откуда родом была его жена. Но после раскулачивания в 1932 году Александр Александрович Бода бежал от ареста в Сибирь, в 42-м он был обнаружен в Якутске и расстрелян НКВД. Его сын — тоже Александр, воевал и погиб под Вязьмой в 1941 г.»